

УДК 81'42:[81'276:34]
ББК 81.001.3

И.В. Палашевская

ТРИ СТОРОНЫ СКРИПТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются такие когнитивные структуры репрезентации знания, как скрипты юридического дискурса, с позиции их стереотипной, сценарной и нормативно-ценностной составляющих в институциональной коммуникации.

Ключевые слова: *юридический дискурс, скрипты, нормы права, ценности культуры, сценарии, социальные стереотипы.*

Палашевская Ирина Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Волгоградского государственного университета
Тел: 8-902-310-50-37
E-mail: irina_777@inbox.ru

Одним из главных условий успешного общения является когнитивный образ предметно-референтной ситуации, который может быть представлен в виде различных структур. Общеизвестными когнитивными структурами, организующими и систематизирующими знание, являются фреймы, схемы, планы, концепты (статичные модели) и скрипты, сценарии (динамичные модели). Скрипт как структура события является широким когнитивным образованием. Так, понятие «скрипт» соотносится с понятием «концепт»: в первом случае нас интересует дискурсивная реализация ментального образования, его проявление в поведении, его алгоритм, во втором случае мы обращаем внимание на фрагментированное переживаемое знание, ассоциативные связи этого ментального образования, его специфику в индивидуальном, групповом и этнокультурном сознании [Карасик, с. 365]. В лингвистической литературе используется термин «сценарий», близкий по смыслу к термину «скрипт». Сценарий понимается как разновидность фрейма, фиксирующего события в виде смены кадров (например, судебное заседание). Скрипт является более общим понятием по сравнению со сценарием, подобно тому как концепт включает фреймовые характеристики, не сводясь к ним.

Скрипты как коммуникативные модели представляют собой относительно устойчивые, обобщенные структуры опыта, предвосхищающие порядок развития событий и обеспечивающие интер-

претационный контекст для действий, агентов, объектов и отношений, включенных в определенную правовую ситуацию. Это традиционные конструкты, обусловленные конкретной профессиональной культурой определенного времени, которые вне специфического контекста институционального дискурса теряют смысл. Преимущества стандартных распространенных конструктов в том, что они дают общую почву участникам общения. Без определенной доли стандартизации институциональная коммуникация была бы невозможна. Это особенно значимо для юридического дискурса, в котором признание того или иного факта юридически состоявшимся требует определенных строго регламентированных перформативных процедур, лежащих в основе соответствующих сценариев. На когнитивном уровне эти процедуры устанавливают безусловный порядок реализации схем ролевого поведения участников дискурса, отклонение от которого не только нарушает ролевые ожидания, но и лишает действие юридического характера и тем самым обесценивает его. Устоявшиеся общепринятые структуры, формульные рамки отвечают интересам как клиентов, так и агентов юридического дискурса, устраняя коммуникативные сбои, очерчивая смысловое и символическое правовое пространство взаимодействия и, тем самым, способствуя эффективности коммуникации.

В лингвокультурологии термин «культурный скрипт», предложенный А. Вежбицкой, означает «общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [Вежбицкая, 2005, с. 467]. Это общая система взглядов той или иной дискурсивной общности, особенно оценочных, предписывающих или запрещающих, артикулированных в терминах универсальных человеческих концептов (семантических элементов типа *говорить* (*say*), *хотеть* (*want*), *делать* (*do*), имеющих семантические эквиваленты в других языках). Эти предельно обобщенные универсальные конструкты наполняются конкретными инференциями, основанными на коммуникативных нормах, преобладающих в конкретной культуре. Их частое воспроизведение в той или иной дискурсивной общности позволяет говорить о типичной «речеповеденческой ситуации», представляющей собой регулярно повторяющийся «фрагмент социальной жизни» (применительно к юридическому дискурсу: допрос, спор о праве, заключение договора и т.п.). Если придерживаться единого критерия при отграничении типичных ситуаций, то их список окажется исчислимым» [Верещагин, Костомаров, с. 12] и, вместе с тем, открытым.

С позиции драматургической теории социального действия скрипт представляет собой структуру драматургических конвенций, предполагающих развертывание определенных сюжетов и проигрывание ролей. Реализация драматургической метафоры, аналогии с «жизненным театром», получившая распространение в теории социального действия И. Гофмана [Goffman, 1972, 1981], вполне применима к юридическому

дискурсу. «Правопорядок в целом напоминает огромную, глобальную пьесу, в которой нации, государства, провинции, округа, деревни и особенно индивиды разыгрывают сцены, написанные национальными и интернациональными творцами права и законодателями» [Troller, p. 15]. Преимущество данного подхода к изучению институционального дискурса в том, что он, акцентируя исполнение того или иного коммуникативного действия и определяя репертуар коммуникативных ролей, разыгрываемых участниками общения, позволяет объединить декларативное знание (кто? что?) и процессуальное знание (как?), т.е. социолингвистические и прагмалингвистические характеристики общения. С данных позиций нетипичные для культуры в целом сценарии могут оказаться привычными в узких рамках институционального дискурса относительно определенного круга лиц. Так, например, «скрипт давления», описанный Анной Вежбицкой как лакуна в англосаксонской культуре в целом [Вежбицкая, 2007, с. 131–159] вполне естественен для юридического дискурса, в котором «я требую», «я претендую», «я этого хочу» (*I want the opportunity to be heard and to explain to the firm that I am entirely blameless*) – обычные коммуникативные интенции управомоченного субъекта, рассматривающего «юридическую машину» как средство продвижения собственного интереса [Мальцев, с. 299]. Императивная формула «Я хочу, чтобы Вы сделали это» лежит в основе таких юридических речевых жанров, как *жалоба, ходатайство, претензия, исковое заявление*, содержание которых формирует нарушенные права. Например: «В своей жалобе я *требую* от надзорной инстанции справедливого решения, которое, на мой взгляд, должно состоять в отмене обжалуемого приговора и полного прекращения уголовного преследования в связи с очевидно установленной моей непричастностью к похищению Д, К и Г, а равно к лишению свободы Х, к незаконному проникновению в жилища потерпевших». Или: «Я *прошу* надзорную инстанцию дать должную оценку этому произволу. Неужели эти очевидные беззакония никак не затрагивали моих прав на защиту, гарантированных не только Конституцией страны, но и Европейской Конвенцией "О защите прав человека и основных свобод?"».

Наиболее открытым для речевых стратегий давления является судебный дискурс. Актуальными в данном направлении являются исследования, посвященные техникам прямого, перекрестного допроса, передопроса; искусству формулирования и постановки вопросов; допустимости, относимости вопросов; критериям наводящих вопросов, лингвопсихической силе судебных доказательств, тональности дискурса в целом и т.п. «Судебных дебатов, лишенных какого-либо давления, теоретически не существует. Только тот, кто никогда не входил в зал судебных заседаний, может оспаривать данное положение. В ходе судебного процесса психологическое давление на человека не только не отрицается, но, напротив, подразумевается» [Гарапон, с. 106]. Психологическое давление в ряде случаев выражается в агрессивной

тональности диалога в суде, создающейся императивными формами, призывами, лексическими и грамматическими повторами, наводящими вопросами и т.п. Например, «Look at me for a minute. Can you look at me? Can you look at me? You're telling lies, aren't you? Can you look at me and tell me that you aren't telling me lies? ...Why not? Is it because you think we'll see lies written all over your face? Well? Well? Are you going to answer me? You see, you think this, don't you, that you can do anything you like and you won't get into much trouble? Isn't that so? You answer me!» (Смотрите на меня. Вы можете смотреть на меня? Можете смотреть на меня? Вы лжете, не так ли? Вы можете смотреть на меня и подтвердить, что вы говорите правду? ...почему нет? Не потому ли, что вы думаете, мы прочтем ложь на вашем лице? Ну? Ну? Вы собираетесь отвечать? Вы думаете об этом, не так ли, о том, что вы можете делать все что хотите, и без особых последствий для вас? Не так ли? Отвечайте!) Однако нельзя не согласиться с тем, что англосаксонский юридический дискурс, в частности судебный субдискурс, стремится нейтрализовать давление на субъекта посредством конвенциональных языковых формул, отдающих предпочтение пассивному залого, третьему лицу, безличным конструкциям (особенно в письменной речи). Аналогичные тенденции наблюдаются и в американском юридическом дискурсе. Интерес вызывает тот факт, что в ряде судов США введен запрет на использование в ходе процесса «заряженных» слов («loaded terms»), так называемых «плохих» ярлыков (bad labels) с сильными образными, оценочными и эмотивными коннотациями в обыденном дискурсе. К таким лексемам, потенциально способным оказывать психологическое давление на присяжных и формировать предвзятое отношение к обвиняемому, относятся *rape, victim, crime scene, killer, murderer, drunk, homicide, embezzle, fraud, robbery* и т.п. [Baldas]. Отношение к данному явлению неоднозначное, скорее отрицательное. Более того, судебный дискурс реализует, помимо принудительно императивных, консенсусные стратегии взаимодействия. Так, например, в американском юридическом дискурсе существует концепт *compliance enforcement*, означающий такое применение права, которое основано, прежде всего, на согласовании интересов прямо и косвенно вовлеченных в судебный процесс лиц. В этом плане стратегии принуждения к применению властных решений противостоят консенсусу, позволяющему учитывать как интересы сторон, так и социальные последствия судебных решений.

Скрипт используется, прежде всего, для представления знания о стереотипных событиях и заранее предлагает стереотипную причинную последовательность действий для участия в этих событиях. Таким образом, в нем выделяется сценарная составляющая, которая определяет основной порядок действия, ключевые моменты его возможного развития. Важной характеристикой сценариев является то, что они допускают ранг возможностей. Даже запрет, объявляющий невозможность совершения какого-либо действия, включает в себя возможность

воздержаться от этого действия, возможность совершения противоположных ему действий. Открытость структуры сценария допускает альтернативные ходы, линии развития, которые замещают друг друга в различных обстоятельствах. Данное утверждение особенно значимо для сценариев предварительного и судебного следствия, в которых определенная вариативность развития действия или его прекращение на определенной стадии процесса решает человеческие судьбы. В этом плане интерес вызывает принцип процессуальной правильности в судопроизводстве США, который заключается в том, «... надлежащий процесс...не является технической концепцией с заранее установленным содержанием, не привязанной к обстоятельствам места и времени. Надлежащий процесс гибок и требует такой процессуальной защиты, которая может быть необходима в конкретной ситуации» [Mathews v. Eldridge]. Сходные идеи содержатся во взглядах русских правоведов [Алексеев; Керимов; Мальцев] о том, что право напоминает не матрицу, на которой запрограммированы все возможные варианты человеческих поступков, по которым «печатается» поведение людей, а скорее обширную «раму», состоящую из такого рода программ и ячеек, различных объемов и форм, всегда четко очерченных, но всегда оставляющих пространство для собственного поведения участников общественных отношений. Таким образом, сценарная составляющая скрипта есть не что иное, как обобщенная последовательность, алгоритм действий участников юридического дискурса, реализующийся на конкретном ситуативно обусловленном материале.

Институциональные скрипты содержат типы деятельности, обусловленные широким кругом факторов. Этот круг включает законодательные нормы, обыкновения обычной практики, стандарты этического и профессионального мышления, имеющие регулятивную ценность и т.п. Институты в целом (от лат. institutum – установление, устройство, учреждение) представляют собой «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые образуют взаимоотношения между людьми. Таким образом, в скриптах выделяется нормативная составляющая. Правила любой игры имеют конститутивный и регулятивный характер [Searle, с. 221–239]. В нормативном пространстве юридического дискурса соответственно выделяются конститутивные и регулятивные нормы. Первые (аксиомы, принципы, учредительные нормы, нормы-декларации, дефиниции и т.п.) создают институциональную реальность (институциональные факты и формы поведения) и выражают требования к учреждаемому ими порядку вещей, устанавливают цели, утверждают ценности юридического дискурса, определяют роли и статусы его участников. Регулятивные нормы (нормы поведения), в свою очередь, представляют собой сложное сочетание институциональных ограничений, образующих взаимосвязанную систему, и в различных комбинациях формирующих набор альтернатив для различных контекстов действия участников дискурса. Данные типы норм

лежат в основе скриптов, определяя желаемое поведение и выражая достигнутые участниками институционального дискурса соглашения о должном. Сами ожидания участников юридического дискурса по отношению к действиям друг друга в той или иной ситуации обусловлены нормами и выступают как требования, отвечающие определенным ролям и статусам. Норма, являясь стандартом, определяющим желаемое поведение в определенном контексте, таким образом, структурирует институциональные действия. С позиции лингвокультурологии юридические системы представляют собой не просто автономный закрытый мир норм, а прежде всего выражение ценностных составляющих национальной культуры (определенные представления о праве, справедливости, концепции правового субъекта, судебной практики и т.п.). В связи с этим назначение права заключается не только в применении логики при правотворческой и правоприменительной деятельности, но и в реализации ценностей культуры, выражаемых в определенных правовых процедурах, традициях, вербальных и невербальных символах юридического дискурса. Все это составляет механизм, который позволяет в процессе правоприменения повернуться от логики к ценностям, от права к правосудию. С данных позиций скрипты юридического дискурса являются выражением смыслов национальной культуры. По-разному судят в Англии, России, Франции... В основе скриптов лежат различные ценностные концепты — *fair trial, adversary procedure, justice, истина, вина, признание*... Соответственно различны сами судебные скрипты реализации и решения правовых споров. Так, для английского судебного дискурса характерен *скрипт агональности*, который заключается в активном отстаивании сторонами перед судом своей точки зрения и строится по модели противных сторон — *adversary procedure* (*adverser* — противная сторона, процессуальный противник). Это выражено, в частности, в семиотике пространства зала суда, который отождествляется, прежде всего, с пространством для дискуссий (преторий), а не дворцом *правосудия*. Соответственно образ судьи ассоциируется с независимым арбитром, функция которого символически выражается в том, что его место находится на возвышении, что контрастирует, например, с коллегиальностью французских судей, которые располагаются за одним столом с прокурором [Гарапон, с. 81]. Стороны обвинения и защиты находятся на одном уровне. В силу этого правовой спор как состязание характеризуется функциональной симметрией, которая предполагает формально-юридическое равенство его сторон, означающее симметрию возможностей на определенные коммуникативные ходы, предусмотренную строгой сценарной упорядоченностью процесса. В Англии судебный процесс — игра легитимных сил. В России — поиск виновного. Для первого представления важно, чтобы истина была доказана. Для второго — чтобы истина была раскрыта. Данные представления выражаются в концептуальных противопоставлениях: «истина — вероятность», «установленная справедливость — договорная

справедливость», «предварительное следствие – признание – тайна» и «судебное заседание – состязательность – rules of evidence».

В структуре скрипта можно выделить стереотипную составляющую, характеризующую часто повторяемую последовательность действий, типичный сценарий и общепринятые ценности и смыслы, т.е. то, ради чего и на основе чего происходит развитие сценария. В случае нарушения стереотипной составляющей скрипта мы в ряде случаев имеем дело с абсурдными или уникальными явлениями. Так зачастую возникают прецеденты или претенденты на опубликование в сборниках глупых законов и решений суда [Кромби]. Возьмем, к примеру, известный иск юриста А. Конева, который подал в суд на екатеринбургскую епархию, обвиняя ее в систематическом нарушении прав верующих на качественное исполнение обрядов. Истец оказался недоволен качеством услуги по отпеванию своего родственника и потребовал завести в каждом храме «уголок потребителя», аналогичный тому, что есть в магазинах, – стенд, на котором был бы размещен перечень религиозных услуг с указанием их вида, качества и объема. Здесь мы сталкиваемся с нарушением стереотипного представления, основанного на определенных ценностях русской культуры, в соответствии с которыми любое сравнение типа «церковь – продавец определенных услуг» звучит абсурдно. Отношения «церковь – прихожанин» в русском менталитете не имеют характера эквивалентности: они исключают психологию обмена и не допускают мысли об условно-конвенциональном характере основных ценностей. В связи с этим отпевание рассматривается не как *услуга*, а *таинство*. Любые споры и недовольства мирян рассматриваются епархией как внутрицерковные. Суд же не может вершить церковные дела не только потому, что Церковь по Конституции РФ отделена от государства, но и потому, что не располагает достаточными критериями оценки должного поведения служителей церкви. Поэтому скрипты подобного рода судебных разбирательств рассматриваются как абсурдные, подменяющие божий дар яичницей.

Разработка лингвокультурной теории скриптов является перспективным направлением лингвокультурологии и теории дискурса. Можно выделять различные стороны культурного скрипта. Институциональная культура в целом состоит из институционализированных стандартов. Сам процесс институционализации представляет собой формирование стандартизированных, нормативных типов деятельности. Поэтому важнейшими характеристиками скрипта юридического дискурса являются стереотипность (действие по заданному образцу), сценарность (алгоритмизация коммуникативного события) и нормативно-ценностная обусловленность (выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры).

Литература

- Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 752 с.
- Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С.467–499
- Вежбицкая А.* Англоязычные сценарии против давления на других людей и их лингвистические манифестации // *Жанры речи : сб. науч. статей.* Саратов, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 131–159.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.
- Гаранон А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. М., 2004. 328 с.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Керимов Д.А.* Проблемы общей теории права и государства : в 3 т. Т. 1 : Социология права. М., 2001. 266 с.
- Кромби Д.* Самые глупые законы мира. М., 2008. 128 с.
- Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М., 2007. 800с.
- Baldas Tresa.* Courts Putting Hot-Button Words on Ice // *The National Law Journal.* June 16, 2008. [Электронный ресурс]. URL: // www.law.com
- Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.
- Goffman E.* Forms of Talk. Oxford: Blackwell, 1981. 335 p.
- Mathews v. Eldridge*, 424 US 319, 1976 [Электронный ресурс]. URL: // www.law.cornell.edu
- Searle John R.* What is speech act? // *Philosophy in America* ed. MaxBlack, London, Allen and Unwin, 1965.
- Troller Alois.* The Law and Order. An Introduction to Thinking about the Nature of Law. Leiden, 1969. 90 p.